

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Решение редколлегии журнала обсудить распространение псевдо- и паранаучного знания основывалось на том, что игнорировать эту проблему нельзя. И не только потому, что в некоторых областях этнографии, археологии, лингвистики и других дисциплин скоро можно будет говорить о перспективе утраты контроля над традиционно научными полями, но и потому, что псевдонаука представляет собой весьма любопытное явление, которое само по себе нуждается в серьезном исследовании. Получив ответы на разосланные вопросы, мы с удовлетворением отметили, что наши намерения практически полностью совпадают с размышлениями участников дискуссии. Как пишет Ребекка Гулд, *первый шаг на встречу паранаучному дискурсу — это принять его всерьез. Всерьез, и не просто понимая риск, который он представляет для легитимного научного поиска, но и рассматривая его как значимое выражение фундаментальной человеческой потребности осмыслить окружающее при помощи любых доступных инструментов.* О естественности обращения непрофессионалов к тем сюжетам, которые ученые считают «своими», пишут и другие участники обсуждения (Михаил Кром, Роман Лейбов).

Вопрос о том, почему результаты своих разысканий стараются облечь в научную форму, не представляется большой загадкой: с начала Нового времени формируется иерархия информационных ценностей с вершиной в области науки (Леонид Беляев). О сохраняющейся престижности научного знания говорит и Светлана Боринская.

1

Социальные и гуманитарные науки входят в число наиболее привлекательных для представителей псевдонаучного знания, но не только они. Выясняется, что и более строгие науки не обделены вниманием непрофессионалов. По мнению Виктора Васильева, в естественных и технических науках псевдонауки не меньше, просто там она служит другим целям и менее афишируется. <...> Классические примеры — «гравипана», торсионная афера, использование экстрасенсов для поиска преступников. Легко понять, что подобные дела делаются по возможности втихую, лучше всего — под грифом секретности. Мнение Виктора Васильева не одиноко. Иван Гринько пишет: *Анализ социальных СМИ, посвященных проблемам лженауки, показывает, что количество изысканий по физике, биологии и медицине никак не меньше, если не больше. Иначе откуда берутся такие «гениальные труды», как «Теория всемирного вдавливания», «Теория кристаллического вакуума», «Теория электрино», «Снижение радиационного фона в помещениях во время проведения в них духовных практик».*

Тем не менее нас будут интересовать в основном попытки проникновения псевдонауки в социальные и гуманитарные области знания. Притягательность истории, археологии, антропологии и некоторых разделов лингвистики для псевдонаучных разысканий имеет много объяснений. Михаил Кром считает, что эти области знания настолько важны для всех думающих людей, что они не готовы доверить их исключительному ведению специалистов. *Та область знания, которой я профессионально занимаюсь, — история — составляет основу идентичности этнических и социальных групп, а также целых государств, и поэтому прошлое никогда не станет уделом одних только профессиональных историков.*

Другая причина ошутимого всплеска непрофессиональных сочинений связывается с качеством образования в социальной и гуманитарной сферах. О снижении уровня образования и падении престижа науки пишут в своих ответах Елена Березович, Иван Гринько, Михаил Кром. *Распространенное мнение, что многие гуманитарные программы университетского уровня не требуют особенно серьезных усилий в сравнении с естественнонаучными или техническими, укрепляет представление о низком входном пороге в исторические и филологические дисциплины (Георгий Кантор).*

Дело, вероятно, не только в том, что проникнуть в эти дисциплины гораздо проще, чем в более строгие, но и в том, что, как пишет Ревекка Фрумкина, *псевдонаука как регулярный феномен возникает в областях знания, где по разным причинам а) нет или не может быть доказательных рассуждений в строгом смысле этого термина, б) нет сильного профессионального сообщества, которое блокировало бы рассуждения, якобы правдоподобные (в смысле известной книги Поля), а на деле противоречащие консенсусу, принятому в данном научном социуме*. Здесь только нужно учитывать, что блокировать псевдонаучные рассуждения в новой информационной ситуации, обусловленной функционированием Интернета, вряд ли сможет даже сильное профессиональное сообщество. Вероятно, нужно думать о более гибких стратегиях противодействия псевдонауке.

На эту новую ситуацию, когда Интернет обеспечил широкий доступ к специализированной информации, указывают многие участники обсуждения. Леонид Беляев видит в этом одну из причин уязвимости гуманитарной науки. Близок к этой позиции и Михаил Кром, для которого особенность переживаемой ситуации заключается в том, что резкое увеличение объема информации сочетается с фактическим отсутствием контроля над ее достоверностью. Вообще говоря, нужно только радоваться доступности научной информации широкому кругу читателей. Что же касается отсутствия контроля над ее достоверностью, то контроль со стороны научного сообщества, видимо, может проявляться только в качественных текстах, выходящих из-под пера его членов.

Другой очень важный аспект новой ситуации отметил Леонид Беляев: *Информационный бум привел к информационному шоку. Профессиональное собирание данных в «медленных» науках и, соответственно, владение ими — это опора строгого знания, которая стала гораздо тоньше и вот-вот подломится. На огромном информационном поле можно будет пастись, прикладывая минимум труда. На самом деле профессионалы по-прежнему нужны, но их функции меняются. Резко возрастает потребность в правильном целеполагании, в умении ставить точные вопросы, фильтровать океан сырых (часто некачественных) данных, видеть все поле дискуссии, а не только его выбранную часть, накопец, анализировать данные, следуя определенным методам (правилам). Но всего этого дилетанты именно и не понимают, на этом они, даже добросовестно старающиеся, спотыкаются. Это особенно видно в работах аспирантов, учившихся не в лучших вузах: наряду с качественной, надежной научной литературой они тащат в свои статьи массу наукообразного хлама, подчас выпущенного серьезными издательствами.*

В области лингвистики Николай Вахтин отмечает любопытный парадокс: *Мнение одного и того же человека («наивного носителя») о правильности той или иной словоформы мы признаем за истину, а о правильной ее этимологии — нет, мнение о правильности синтаксической конструкции признаем, а мнение о родстве похожих конструкций в разных языках — нет.* Причиной является понятие «осознанности». Мы верим спонтанному говорению информанта и настораживаемся, когда он начинает задумываться над фактами, поскольку мы доверяем ему как источнику данных, но не как интерпретатору. В последнем случае он претендует на профессиональное умение лингвистов, которое Николай Вахтин определяет как *объективирование собственной интуиции через построение моделей языка (неважно, синхронных или диахронических) <...> Именно ему приходится учиться, иногда долго. Именно в этом пункте — а не в «знании языка» — состоит отличие профессионального лингвиста от непрофессионального.* Николай Вахтин считает, что это относится не только к лингвистике, с чем, видимо, не все согласятся.

Вообще стоит иметь в виду, что в каждой социальной и гуманитарной дисциплине сложилась своя ситуация. Например, по мнению Катерины Губы, *социология не способна защитить образованного дилетанта от натиска псевдонаучных измышлений. Главный аргумент заключается в том, что социология малопригодна для работы в режиме популярного знания, с которым имеет дело публика за пределами академии.* Этого не скажешь об этнографии, археологии и лингвистике, где всегда есть сюжеты, как будто специально предназначенные для популярной литературы, но ее попросту сейчас почти нет. И это очень серьезная проблема, поскольку тема дискуссии непосредственно связана с тем, что наука не выполняет своей функции по отношению к массовому читателю. В результате сложилась картина, близкая той, о которой пишет Иван Гринько: *Острейший дефицит научно-популярной литературы по гуманитарным специальностям (особенно это касается этнологии и археологии) при резко возросшем на нее спросе привел к тому, что околонучные фантазии смогли занять пустующую нишу на рынке, а соответственно, массово появиться на прилавках книжных магазинов, в теле- и радиозфере.*

2

Прокламация междисциплинарности (наряду с «комплексным подходом» и подобными заклинаниями) стала почти обязательным элементом многих исследований. Между тем всякое пересечение границы чужой науки может обернуться не только свежим взглядом на разрабатываемые сюжеты, но и разной степени непрофессионализмом. С одной стороны, такие экскурсии вполне естественны, поскольку являются прямым след-

ствием человеческой любознательности и системности научной картины мира (так считает Роман Лейбов). С другой, как верно заметил Леонид Беляев, *очень трудно удержаться в границах науки, уходя в соседнюю, тем паче в далекую от гуманитарных наук сферу.*

В сфере точных наук ситуация еще более серьезная. Как пишет Виктор Васильев, *почти всегда непрофессиональный текст оказывается псевдонаучным. Но все-таки редкие исключения возможны. Взаимодействие между разными специальностями обычно начинается с работы специалистов в одной из этих областей, не являющихся профессионалами в другой, но начавших осознавать возможную связь между ними. Строго говоря, их первый текст выглядит непрофессиональным с этой «другой» стороны, но если он мотивирован целью установления истины, если его авторы адекватно осознают ограниченность своих познаний в новой области и «передают эстафету» исследования специалистам в этой области, то назвать его псевдонаучным было бы неправильно.*

По мнению Светланы Боринской, *граница определяется добросовестностью ученого и применением адекватных методов в адекватных границах. Переступая границы, ученый должен либо стать профессионалом в новой области, либо взаимодействовать с профессионалами (это не всегда легко, но, как показывает наш опыт создания междисциплинарных команд, вполне возможно). Остальное — к психиатрам.*

На разумность и адекватность исследователей, выходящих за рамки своей науки, уповает и Виктор Васильев. *К сожалению, — пишет он, — есть много «неравномерно умных» людей, обладающих яркими способностями и чутьем в одной науке и получающих в ней заслуженное признание, но туповатых в других сферах знания и неспособных трезво оценить ограниченность своих возможностей.*

Иван Гринько отмечает, *что есть прецеденты, когда легко и непринужденно профессионал скатывался в лженауку, и ему для этого даже не надо было «переходить границу». Достаточно вспомнить работы Л.Н. Гумилева о пассионарности, Н.Р. Гусевой об индославах, А.И. Вдовина о процентах евреев в руководстве СССР. Эта профессиональная деформация гораздо опаснее, поскольку в крайне конформном научном сообществе ошибки и преступления коллег оцениваются не так строго, как преступления «варягов» из других специальностей. Плюс — былой научный и должностной авторитет позволяют протаскивать псевдонаучные измышления под маркой серьезных институций, что автоматически легитимизирует их.*

Конечно, можно сказать, что труды Гумилева, Гусевой и подобные относятся к числу одиозных и достаточно легко диагностируемых. Существуют и менее очевидные случаи, об одном из которых рассказывают Анна Павлова и Александр Прожилов. В их ответах речь идет о лингвокультурологии, которая сложилась в конце прошлого века на основе гипотезы лингвистической относительности и получила необычно широкое распространение в России. *Убеждение, что мышление полностью детерминировано языком, т.е. равно языку и языком исчерпывается, логически влечет за собой вывод о принципиальной непохожести способов мышления и мировидения народов, разговаривающих на разных языках. При последовательном отношении к этому принципу придется отрицать существование таких явлений, как переводимость, билингвизм и синонимия, поскольку если языковые единицы идентичны мыслительным, то каждый конкретный способ (форма) выражения уникален и несет в себе специфическую мысль.*

Кроме того, представители лингвокультурологии почему-то убеждены, что «языковая картина мира» определяет существование «национального характера» как некой совокупности взглядов народа, единой и монолитной идеальной сущности. Анна Павлова и Александр Прожилов считают *использование словосочетания «национальный характер» и синонимичных ему выражений в научном дискурсе абсолютно недопустимым: под этим «концептом» подразумеваются психические свойства не отдельного индивида, а целой группы людей, часто очень большой. Группа имеет общую культуру (реакции, модели поведения, систему ценностей, символы, обычаи и т.п.). Из общности культуры нельзя делать вывод об общности (и специфичности) психического склада составляющих группу (в том числе нацию, народность, этническую группу) индивидов.* Получается, что лингвокультурологи всерьез обсуждают, каким научным содержанием наполнен термин «национальный характер», от которого уже давно отказались другие дисциплины. Анна Павлова и Александр Прожилов убеждены, что лингвокультурологи занимаются мифотворчеством, поскольку приписывают всему народу одни и те же реакции и пропозиции, которые к тому же оказываются этническими стереотипами, но никак не выявленными аналитическим путем «чертами национального характера».

3

Признаки, по которым мы опознаем псевдонаучный текст, представляют несомненный интерес. Существуют тексты, для идентификации которых достаточно одного названия: «Велес — Бог руссов. Неизвестная история русского народа», «Геракл — праотец славян», «Сибирская прародина. В поисках Гипербореи» — или такой фамилии автора, как Задорнов (Иван Гринько).

Об этом же пишет и Леонид Беляев: *Процентов восемьдесят любителей собираются вокруг давно поставленных псевдovoпpocов (Атлантида, пришельцы, методы строительства пирамид и т.п.).*

Но не все так просто, поскольку круг «исследовательских воpпocов» в последнее время резко расширился. Диагностическим является отношение к тому, что уже сделано по данной теме. Николай Вахтин: *Когда я вижу текст, который не учитывает «литературу воpпocа» (или с первых строк отмечает эту литературу как «несущественную») <...>, я понимаю, что передо мной, скорее всего, псевдонаучный текст.* Виктор Шнирельман: *Для меня один из главных показателей — то, кто именно является авторитетом для данного автора, на чьи идеи он в первую очередь ссылается.* Леонид Беляев: *По незнанию одних работ и произвольному цитированию других, по замалчиванию и выборочному цитированию.*

Показательным признаком становится глобальная задача, которую автор ставит перед собой (*например, пытается сходу ответить на воpпoc о родстве далеких языковых семей или о происхождении славян, — Николай Вахтин*), что почти однозначно говорит о его непрофессионализме. На такую специфическую постановку проблемы указывает и Татьяна Черниговская: *Это всегда глобальное, революционное начало, а в моих областях знаний это и формальные признаки — тысячи схем, кружочков, стрелочек, квадратиков, включенных один в другой и сводящих воедино микро- и макромиры.*

Среди значимых признаков называется категоричность суждений, отсутствие сомнений, что практически всегда сочетается с неприятием критики, о чем говорят почти все участники обсуждения. Приведу лишь одно высказывание: *Псевдонаука «решает» все проблемы не только легко и быстро, но и окончательно: привычные для нас оговорки, что, мол, такое-то свидетельство допускает разные интерпретации или что для определенных выводов не хватает данных, совершенно несвойственны такого рода сочинениям* (Михаил Кром, ср. соображения Евгения Черных). Или, как замечательно сформулировала Ревекка Фрумкина: *Увы, псевдонаучные тексты обычно утверждают, а не вопрошают, притом с претензиями на особую значимость и новизну.* Такие тексты, по наблюдению Виктора Шнирельмана, «требуют веры».

Научный текст отличается от всех других тем, что изложенные в нем факты можно проверить, а исследовательские процедуры — повторить. Как пишет Алан Боуман, *высшие стандарты современной науки требуют, чтобы линии аргументации были прозрачны, а изложение обоснований аргументов позволяло*

читателю самому проверить все основные «факты». Поэтому еще один бросающийся в глаза признак псевдонаучного текста — отсутствие принятых способов верификации (система ссылок, формулировка исследовательских гипотез и видов доказательств, признание ограничений или недостатков избранного доказательства), а также отсутствие обоснования исследовательских процедур, вместо чего предлагается применить изобретенный автором метод (как правило, универсальный, пригодный для отпираания любых замков) (Николай Вахтин). Суть этого метода обычно определяется очевидным стремлением подогнать решения под готовый ответ (Леонид Беляев). В конечном счете все это направлено на то, чтобы было невозможно верифицировать выдвигаемые положения.

Далеко не все псевдонаучные сочинения — безобидное удовлетворение своей любознательности. Как-то так получается, что псевдонаучная статья всегда имеет то, что на американском дипломатическом языке называется *hidden agenda*, т.е. второй, скрытый, смысл и вторую, скрытую, цель. Автор вроде бы пишет про лингвистику, историю или этнографию, но одновременно обязательно возникает приятный автору идеологический результат. Либо оказывается, что народ, к которому принадлежит автор, самый древний, либо — что его родной язык самый богатый и выразительный, либо — что общественный строй его страны самый прогрессивный (Николай Вахтин). Об этом же пишет Виктор Шнирельман: *Разными являются цели: если специалист стремится найти историческую истину, то мифотворец нередко манипулирует историческими данными для достижения совершенно иных целей, связанных, в частности, с современной этнополитикой.*

На характерную для псевдонаучных текстов лексику указывает Иван Гринько, цитируя «Краткий определитель научного шарлатанства» Аркадия Голода: *Если в публикации встречаются слова: аура, биополе, чакра, биоэнергетика, панацея, энергоинформационный, резонансно-волновой, психическая энергия, мыслеформа, телегония, волновая генетика, волновой геном, сверхчувственный, астральный — то можете быть уверены, что имеете дело с шарлатанской писаниной.* Тому же Аркадию Голоду принадлежит еще одно любопытное наблюдение: *Большой интерес для анализа представляют научные регалии автора. Чем их больше и чем тщательнее они перечислены, тем осторожнее надо относиться к тексту. У настоящих ученых тщеславие считается дурным тоном. Скромное «к.м.н. Абэвэгэдэев» вызывает значительно больше доверия, нежели «доктор проблем мироздания, академик XYZ академии, почетный член того-то и сего-то Фантазм Ахинеевич Чепуханов-Грандиозов».* Еще один признак паранаучного текста, буквально бросающийся в глаза, — напи-

сание терминов с заглавной буквы там, где это не требуется («в этом отношении Наука», «разработанная нами Теория...» и т.п.) (Светлана Боринская).

По справедливому замечанию Марлен Ларюэль, все эти признаки легко прочитываются специалистами, однако возможностей передать эту информацию широкому кругу читателей у них немного. Другими словами, мы возвращаемся к проблеме обратной связи, точнее, необходимости постоянных контактов с широкими массами, на которые у нас, как правило, нет времени.

Вместе с тем показательно, что участникам обсуждения и в этом случае не изменяет способность к сомнениям. Например, отвечая на этот вопрос, Виктор Васильев пишет: *Но бывает и так, что разобраться трудно. Я должен признаться, что так и не понимаю, кто и насколько неправ в болезненной полемике о глобальном потеплении. Конечно, и с той и с другой стороны есть заведомо псевдонаучные демагогические тексты, а также подтасовки. Но бывают и выглядящие прилично, но прямо противоречащие друг другу тексты, из которых по крайней мере один, по-видимому, лжив — и я не могу понять, который. Среди моих уважаемых и безусловно честных знакомых есть люди, верящие как в одно, так и в другое. Наверное, можно было бы разобраться в этом, потратив недельку на копание в сопутствующей информации, но очень жалко времени.*

4

По вопросу о том, как относиться к непрофессиональным разысканиям, мнения участников обсуждения разделились, но для более точной картины необходима конкретизация представителей сферы непрофессионального и, соответственно, их продукции. Следует, вероятно, различать непрофессионалов-любителей и имитаторов научных текстов. Первые не очень понимают, что делают, и удовлетворяют свое любопытство, а вторые — фальсифицируют данные ради каких-то своих целей. Очень хорошо это сформулировала Марлен Ларюэль: *Непрофессиональный текст необязательно будет псевдонаучным, если автор готов признать его тем, чем он является, и не пытается создавать иллюзии, если он опирается на научные работы, которые стремится перевести на более «упрощенный» язык, или основывается на достижениях других дисциплин, признавая при этом, что его собственный метод отличается от принятых в науке. Таким образом, главная проблема определения псевдонауки видится мне не в ее содержании и не в установлении границ, но в честности автора, который обязан четко определить свое дискурсивное поле.*

К сожалению, честность в определении своего места свойственна лишь части непрофессионалов, отношение к которым

у участников обсуждения вполне благожелательное. Например, Светлана Боринская пишет: *Отношусь положительно — люди стремятся к знаниям, проводят большую работу по популяризации знаний, обращаются за консультациями к экспертам. Пример — сообщество «ДНК-генеалогия». Это хорошие, грамотные непрофессионалы. Хороший непрофессионал, узнав, что у него что-то некорректно изложено, стремится исправить, пополнить свои знания. И стремится обосновывать различные утверждения принятым в науке способом, со ссылками на результаты исследований.*

Категория дилетантских и публицистических сочинений не вызывает особого неприятия. Марлен Ларюэль: *Я думаю, что такого рода тексты профессионалы могут игнорировать, потому что они принадлежат другому дискурсивному полю, и отвечать им как равным означало бы приписать им соответствующий статус.*

Совсем другие эмоции вызывают фальсификаторы. Отношение к ним соответствующее. Татьяна Черниговская: *Отношусь к этому с бешенством, не пропускаю никогда, пишу резкие рецензии и очень жестко реагирую устно, если оказываюсь на выступлениях этой публики. Мераб Мамардашвили говорил: «Точность мышления есть нравственная обязанность того, кто к этому мышлению приобщен. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Именно так и я считаю.*

По мнению Ивана Гринько, игнорировать псевдонауку означало бы *прямое предательство корпоративных интересов. Именно благодаря подобному игнорированию откровенные лженаучные изыскания уже публикуются под грифом РАН.*

Роман Лейбов предлагает вполне конкретные меры — *создание и внедрение современных школьных программ по гуманитарным и общественным дисциплинам. Лингвистика, по-моему, должна преподаваться как базовая дисциплина (на этапе старшей школы), а история — быть рассказом не только о событиях, но и об истории рассказов о событиях.*

Михаил Кром считает лучшим «противоядием» популярные лекции ведущих специалистов в соответствующей области. *Прекрасным образцом такого просветительского жанра являются, например, лекции академиков В.Л. Янина и А.А. Зализняка по истории и культуре Древней Руси, доступные всем пользователям Интернета.*

Принципиальная ориентация на диалог характерна для наших западных коллег. Ребекка Гулд: *Диалог с непрофессионалами,*

любителями и другими представителями общества — это и есть самый настоящий научный проект, а не просто какое-то необязательное дополнение к нему. Контакты с миром за пределами академии важны для будущего наших дисциплин по меньшей мере в той же степени, что и наше общение с профессиональными коллегами. Сходные соображения у Марлен Ларюэль: Можно только радоваться, когда непрофессионалы обсуждают проблемы общего характера, потому что если бы мы просто оставили такие дискуссии экспертам и политикам, это повредило бы ценностям активного гражданского участия.

Но наши участники обсуждения не были бы настоящими исследователями, если бы кроме всего прочего не видели в паранаучных текстах и весьма интересный объект исследования. Нельзя не согласиться с Иваном Гринько, что *лженаучные труды дают богатейший материал для историографических, этнологических, социологических и других исследований, поскольку демонстрируют очень характерные срезы общественного сознания и состояния. Об этом же пишет Марлен Ларюэль: Это явление само по себе могло бы стать интересной темой социологического исследования, потому что оно отражает более глобальные культурные процессы.*

В более развернутом виде сходный взгляд сформулировал Виктор Шнирельман: *Думаю, что пренебрежительное или саркастическое отношение к упомянутым построениям вызывает лишь озлобление и потому непродуктивно. Кроме того, это не позволяет обнаружить истинные мотивы деятелей «псевдонауки» и причины популярности их творчества у широкой публики. Так проблема обретает более сложный, но и более интересный ракурс. <...> Кроме того, особенности мифов о прошлом и их популярность дают важную информацию о массовых настроениях. Вот почему нам необходимо анализировать социальную и культурную роль науки и того, что называется «псевдонаукой». И сегодня, как мне представляется, это является одной из насущных задач культурной антропологии.*

Обсуждение показало, что взгляды его участников на отношения между наукой и псевдонаукой довольно близки. Наибольшие расхождения проявились в истолковании причин бурного роста числа псевдонаучных текстов, а также в отношении к ним. Принципиальная ориентация наших зарубежных коллег на диалог с широким кругом читателей (в том числе и с авторами паранаучных сочинений) не всегда получает поддержку российских ученых. Это может объясняться не только разным пониманием роли науки в современном обществе, но и существенно разным статусом псевдонауки в конкретных научных традициях. Представляется, что проведенное обсуждение сви-

детельствует о необходимости регулярного обращения к проблеме границ науки для выработки оптимальных стратегий их корректировки.

Редколлегия благодарит всех участников обсуждения.

Альберт Байбурин